

В серию «Фанаты» входят:

Фанаты. Счастья хватит на всех

Фанаты. Счастье на бис

Фанаты. Сберегая счастье

Фанаты. Счастье из прошлого

Фанаты. Другой ракурс счастья

Юлия Волкодав

ФАНАТЫ. СЧАСТЬЕ ИЗ ПРОШЛОГО

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В67

Волкодав Ю.

В67 Фанаты. Счастье из прошлого / Ю. Волкодав — М. : RUGRAM,
2025. — 286 с. — (Фанаты).

ISBN 978-5-517-13538-4

Саша всегда мечтала оказаться в том времени, которое не застала. Пройтись по дворам Марьиной Рощи, где бегал с рогаткой маленький Севушка. Увидеть молодого артиста Всеволода Туманова на сцене. Покататься за ним с гастроями по Советскому Союзу. Саша так романтизировала эпоху, в которой не жила, и героя, которого не видела. Но что, если она попадёт в прошлое? И всё окажется совсем не таким, как она себе представляла?

BIC FA
BISAC FIC000000

© Юлия Волкодав, текст, 2025
© Дарья Иванова Walted, оформление, 2025
ISBN 978-5-517-13538-4 © RUGRAM, 2025

ПРОЛОГ

— Господи, как же хорошо!

Всеволод Алексеевич с видимым удовольствием вытягивается на кровати. Только что из душа, и волосы он конечно же не высушил. И даже полотенце на подушку не кинул. Промокнет же подушка. И утром у него будет причёска домовёнка Кузи, придётся заново мочить волосы, чтобы уложить. Но замечания ему делать Сашка конечно же не собирается. Садится рядом, чтобы подсоединить дозатор инсулина.

— Ай, у тебя руки холодные! — возмущается он.

— Нормальные у меня руки. Это у вас пузо распаренное, — хихикает Сашка, но всё же старается растереть ладони. — Что вас так расплющило-то?

— Что? — вопросительно поднимает брови.

— Говорю, кровать вроде вот она, никто не забирал. У вас на лице такое блаженство, как будто вы месяц по гастролям мотались и спали там на чём придётся.

— Просто люблю ложиться чистым в чистую постель. Отдельный вид удовольствия.

— Доступный хоть каждый день, — хмыкает Сашка. — Вы и так из душа не вылезаете. А постель я тоже могу менять каждый день, если хотите. Как в хороших отелях.

— Ну конечно, мало тебе забот по дому, давай ещё ежедневную стирку к ним добавим.

— Так не я стираю, а машинка. Всё, укрывайтесь.

— Тоже верно. — Он натягивает махровую простыню, которая у них сейчас вместо одеяла, до груди и устраивается поудобнее. — Как просто стало, Сашенька. В кране всегда горячая вода, бельё стирает машинка. Можно жить и радоваться. А когда я был ребёнком, мы мылись один раз в неделю. Каждую субботу ходили с отцом в баню. Там батя тебя отдраит, выдаст чистое бельё, и всё, до следующей субботы. Дома только умывались, центрального водопровода-то не было, воду из колонки таскали, сколько принесёшь — столько потом грязной вынесешь, то ещё удовольствие.

— Представляю, как вы мучились, с вашим-то чистоплутством, — вздыхает Сашка, залезая на свою половину кровати и устраивая щёку у него на плече.

— Ты знаешь, нет, — усмехается Всеволод Алексеевич. — Чистоплутем, как ты выразилась, я стал гораздо позже, уже получив известность. Сцена всё же обязывает следить за собой. А пацаном даже не обращал внимания, чистая у меня рубашка или грязная.

— Да ладно! Я видела какую-то передачу, где вы школьные годы вспоминали. И вы с таким ужасом на лице рассказывали, что одни и те же форменные брюки носили пять лет, так что они в итоге протёрлись на самом важном месте.

— Так уж на самом важном, Сашенька? Там-то они как могли протереться?

— Да тьфу на вас! Хотела корректно выразиться. На заднице они протёрлись. Вы, по-моему, тогда так и сказали на камеру. А у самого чуть ли не слёзы в глазах стояли.

— Поверила? Никакие сомнения не одолевают?

А взгляд хитрый-хитрый. Вот ведь засранец!

— Саш, дети растут, ты не знала? И очень быстро растут. Пять лет в школе носить одни и те же брюки не получилось бы ну никак! Они бы треснули по швам.

Сашка мрачно на него смотрит, ждёт продолжения. Сомнения её, конечно, одолевали, но мало ли! Может, эти несчастные штаны ему перешивали. Она послевоенные годы только по фильмам представляет, и про перешитые вещи вроде в каком-то кино было.

— Ой, вы могли год-другой и прибавить, к художественным преувеличениям в ваших интервью я привыкла.

— Но в сыгранную драму всё-таки поверила, — резюмирует он. — Ну не дуйся! Времена действительно были суровые, но все так жили. Мы одалживали у отцов ботинки, чтобы пойти на выпускной. Работали летом в колхозах, чтобы накопить на первый пиджак. А про трусы я тебе рассказывал?

— Какие ещё трусы?

— Батины, — усмехается Всеволод Алексеевич. — Я же говорю, с одеждой было туго. А отец-то на военной службе, на полном го-

сударственном обеспечении. И ему выдают не только форму, но и нижнее бельё, уставное. В том числе трусы. Синие такие, сатиновые трусы, сейчас их семейными называют. И отец мне одни выделил, чтобы я в них в школу на физкультуру ходил, вроде как экономия. Я сначала обрадовался, дурак. Ребята кто в трениках заношенных, кто в кальсонах. А у меня новье, практически шорты, как у настоящих спортсменов. А потом заметил, что девчонки хихикают и как-то странно на меня смотрят. Размер-то у меня... А на физкультуре то бегать надо, то прыгать... Словом, в кальсонах было бы лучше.

Всеволод Алексеевич улыбается собственным воспоминаниям, да и в голосе у него явно звучит смех. А вот Сашке совершенно не смешно.

— Отец не понимал, что ли? Это же психологическая травма для ребёнка! Тем более для подростка! Когда одноклассники ржут, потому что ты не такой, как все.

— Саш, да ты чего? — Всеволод Алексеевич приподнимается на локте. — Да не было никакой травмы. Ну поржали и поржали. Я бы на их месте плакал от зависти, и не к трусам. Саша! Ты своё детство вспоминаешь, что ли?

Сашка мотает головой и щёлкает выключателем. Всё равно спать пора, а в темноте он не заметит, что у неё глаза на мокром месте.

— Нет. Не обращайтесь внимания.

— Саша! Если я не вижу в темноте, это не значит, что не слышу. По твоему голосу уже всё понятно.

— Да ничего не понятно. Просто ваши рассказы о детстве на меня так влияют. Мне вас всё время жалко.

— Меня? Да чего меня жалеть, Саша? Я был крепким здоровым парнем, силы хоть отбавляй, дури ещё больше. Жил в своё удовольствие, учился через пень-колоду, пока в армию не забрали, вообще дурак дураком.

— Это всё потом было. Я про раннее детство. Как представляю... Маленький мальчик, практически сирота, без мамы. Холодно, голодно. Печку надо топить, воду таскать, баня раз в неделю, рубашки грязные... Никто лишний раз доброго слова не скажет. Я иногда

вообще поражаюсь, как вы выжили, без заботы, без лекарств, в конце концов.

— Каких лекарств, Саш? У меня тогда ни диабета, ни астмы ещё не было.

— Да каких угодно! Сколько всяких детских болезней: свинка там, корь, ветрянка. Мамы нет, а отец что? Всегда на службе!

— И отец врач, если ты не забыла.

— Ой, вы сами рассказывали, как он вас с температурой в школу отправлял. Врач!

— Саша! — Всеволод Алексеевич переворачивается и опирается на руки, нависая над ней. — Ну-ка в глаза мне смотри, несчастное создание.

Комнату освещает только ночник, но силуэт его Сашка видит прекрасно.

— Прекрати искать драму там, где её нет. Детство закончилось, и сейчас я помню только отдельные отрывки, далеко не трагические. Я, конечно, понимаю, вы, девочки, так устроены, вам, чтобы любить, надо жалеть. Но посмотри на меня. Большой дядька, проживший счастливую жизнь, объездивший весь свет, получивший всё, чего хотел, начиная со славы и заканчивая государственными наградами. Ты уверена, что я правильный объект для жалости?

Сашка решает за благо промолчать. Когда он вот такой, весёлый, нормально себя чувствующий — нет, конечно. А когда ему нездоровится, когда стелется по кровати тряпочкой и смотрит на неё грустными глазами — тут можно поспорить.

— И ещё, Сашенька. Мне кажется, если бы ты познакомилась со мной годиков так семьдесят назад, тебе бы это знакомство совсем не понравилось!

— Да глупости! — фыркает Сашка. — Я, может, мечтаю о машине времени. Как в этих тупых книжках про попаданцев, знаете? Ну где какая-нибудь дура или какой-нибудь дурак вдруг проваливаются во времени и оказываются, скажем, в сорок первом году. И тут же бегут спасать страну. Ищут Сталина, чтобы рассказать ему, когда немцы нападут. Как будто он им поверит, ага. И одна кухарка перевернёт ход истории. Я пару таких книг читала, потом в мангале их сжигала — ритуально! За тупость.